

初

ЭПОХА БУМАЖНЫХ ЦВЕТОВ

И
Т
А
Л
И
Й
С
К
О
Н
И
С
К
О
Е
В

ПЕПЕР
ПАВИЛЬОНА ТИВЫ

Виталий Хонихоев

Пепел павильона Сливы

«Автор»

2026

Хонихоев В. В.

Пепел павильона Сливы / В. В. Хонихоев — «Автор», 2026

Она не владеет магией и не умеет убивать людей касанием пальца. Ее главное оружие — умение читать людей. В Императорском дворце, где правят яды, паранойя и истерия, современные знания работают лучше любого клинка. Но это не знания о тактике и стратегии или технологии, это знания о человеческой природе. Психология, искусство манипуляции, умение управлять и направлять, а самое главное - прочесть человека. Все что есть у нее пока - эти знания. Хватит ли этого чтобы избежать неминуемой казни?

© Хонихоев В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Обвинение	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Пепел павильона Сливы

Глава 1. Обвинение

Снег шел третий день, и к сегодняшнему утру внутренний двор Павильона Сливы превратился в мокрое серое зеркало. Отполированные каменные плиты блестели от талой воды, в которой отражалось низкое небо со свинцовыми тучами. Я стояла на коленях в самом центре этого зеркала, и подол моего платья из грубой серой пеньки медленно темнел от влаги, впитывая холод и поднимая его выше — к бедрам, к животу, к ребрам. Колени онемели еще четверть часа назад, теперь немели бедра, и где-то в основании позвоночника тупо, нудно ныла мышца, которую я не могла расслабить, потому что не могла шевельнуться. Нельзя шевелиться в такой момент, если только ты не хочешь показать всем вокруг свою невоспитанность и отсутствие почтения.

Показывать невоспитанность и отсутствие почтения к старшим в такой момент — это все равно как лично подписать себе смертный приговор. Уголовный Кодекс в этом мире и в это время еще не придумали, никаких тебе адвокатов или соревновательности сторон на процессе, тут все решается очень просто — кто-то старший говорит «отрубите ей голову», а через полчаса тело уже увозят на Западное кладбище. Хотя если дело происходит во дворце и касается девушек-служанок, то их обычно душат шелковым шнурком. Полагают что так гуманнее, потому что «без пролития крови». Я очень в этом сомневаюсь, но кто тут спрашивал моего мнения? Правильно — никто. Вот потому-то я и стою на коленях, уже не чувствуя ни мокрых каменных плит подо мной, ни своих собственных ног и гадая, смогу ли я встать без посторонней помощи после того, как это закончится.

Передо мной на расстеленном куске белого шелка лежали три предмета, разложенные с той методичной аккуратностью, с какой раскладывают улики на столе следователя: соломенная кукла размером с ладонь, пучок сухой травы, перевязанный красной нитью, и маленький костяной гребень с обломанным зубцом. Мой гребень. Единственная вещь, оставшаяся от матери, — отец сунул его мне в дорожный мешок в последнее утро, не сказав ни слова, только сжал плечо. Человек, который считает себя моим отцом — наверное так будет лучше.

Откуда-то издалека, вне поля моего зрения — стали раздаваться негромкие возгласы, потом пошел шепоток, потом все затихло, и я поняла, что мои судьи только что вошли во двор. Глядя вниз, я гадала дадут ли мне возможность попытаться оправдаться или попросту отошлют на конюшню для экзекуции. Молоденькой Сае на прошлой неделе не дали и слова сказать.

— Подними голову, — голос Госпожи Фудзино прозвучал сверху, ровный и сухой, как треск ломающегося под ногой льда.

Я подняла, и шейные позвонки откликнулись неприятным хрустом.

Старшая фрейлина стояла на деревянной галерее, в трех шагах надо мной, и двенадцать слоев ее парадных одежд переливались в тусклом свете утра — нижние шелка цвета слоновой кости постепенно темнели к верхним, до глубокого винного, до почти черного, и каждый край рукава был выложен с такой математической точностью, что я невольно подумала о податных таблицах отца, о его привычке выравнивать колонки цифр до последнего знака.

Лицо Фудзино было набелено по дворцовому обычаю — толстый слой свинцовых белил, тонкие черные брови, нанесенные высоко на лбу, маленький красный рот в форме сжатого бутона. Все ее лицо — нарисованная маска. И от этой маски шел едва уловимый запах рисовой пудры и камфоры, который смешивался с тяжелым ароматом сандала, исходящим от ее одежд.

За ее спиной полукругом выстроились другие фрейлины, шесть женщин в шелках разных оттенков — увядающей хризантемы, бледно-зеленом, пыльно-лиловом, — и они молчали

так слаженно, что молчание это казалось отрепетированным, частью ритуала, такой же необходимой деталью, как развернутый передо мной шелк или ритуальная поза стражника у ворот.

Между ними, чуть впереди, стояла Аканэ.

На ней было простое темно-синее платье служанки высшего ранга, без узоров, без украшений, и волосы ее были собраны в строгий низкий узел, перевязанный белой лентой — цвет скорби, цвет соболезнавания. Лицо ее было опущено, плечи опущены, руки сложены перед собой в положении почтительного смирения, которому ее, должно быть, учили с детства, и вся ее поза кричала о горе и сожалении — о, как тяжело свидетельствовать против товарки, о, как болит сердце, — но я видела то, чего не видела Фудзино со своей галереи: я видела, как незаметно, подрагивает правый уголок ее рта, как будто она удерживала улыбку усилием воли. Вот же змея...

— Эти вещи, — Фудзино говорила медленно, давая словам время осесть, — были найдены сегодня утром под татами в спальне Принцессы Акико. Под тем самым местом, где госпожа спит уже семь ночей. Под тем самым местом, откуда поднимаются ее крики каждую полночь.

Она сделала паузу, и в этой паузе стало слышно, как где-то в глубине павильона мерно капает вода с края крыши — кап, кап, кап, — и как далеко за стенами двора, в деревянном сарае, кто-то размеренно колет поленья, и каждый удар топора отдавался у меня в груди мягким, тяжелым ударом, как будто стучали в дверь, за которой я пряталась.

Одинокая, легкая снежинка села мне на ресницу, и мир на мгновение раздвоился — двойная Фудзино, двойной шелк, двойная Аканэ с ее подрагивающим ртом, — и я моргнула, и слеза от тающего снега покатилась по щеке, и кто-то из фрейлин, наверное, принял ее за слезу раскаяния, потому что я услышала короткий выдох. Не сочувствующий, конечно же нет, скорее — презрительный, дескать чего эта голоногая себе позволяет.

— Кукла, — продолжила Фудзино, — пробита железной иглой через грудь, на месте сердца. Трава — белена и полынь, скрученные с пеплом из погребальной курильницы. Дощечка, ныне сожженная, носила имя моей госпожи, выписанное полной формой, какой пользуются только в храмовых проклятиях. Гребень, — она помолчала, и темные узкие глаза ее остановились на моем лице с холодным интересом ученого, разглядывающего жука, наколотого на иглу, — гребень принадлежит тебе. Что молчишь, служанка? Говори!

Я разлепила губы, и собственный голос показался мне чужим — низким, хриплым, треснувшим, потому что я не пила со вчерашнего вечера и горло было сухим, как осенний лист.

— Госпожа Фудзино, — сказала я, и каждое слово царапало изнутри, — я не клала этих вещей в спальню Принцессы.

— У тебя есть доступ в покои госпожи Акико.

— У меня есть доступ в коридор, ведущий к покоям. Я подметаю там каждое утро, начиная с часа Зайца. Я ни разу не переступала порог спальни, потому что порог этот охраняется евнухом по имени Сабуро, который не пропустил бы и тень без разрешения старшей служанки.

Тонкая черная бровь Фудзино приподнялась на полпальца — крошечное, едва заметное движение, выдавшее, что мой ответ ее удивил. Дворцовая прислуга низшего ранга обычно не знала имен евнухов высшего ранга. Я знала. Я записала их в первый же день, в маленькую внутреннюю тетрадь памяти, которую всегда носила у себя в голове. То, чего у тебя нет — никто не сможет отнять. А самое ценное в мире — это знания. Информация.

— Гребень твой, — повторила Фудзино, возвращаясь к главному.

Я молчала, потому что отрицать было бы глупо, а подтверждать — еще глупее.

— Гребень твой? — голос ее похолодел еще на градус.

— Мой, — сказала я. Смысла отрицать не было, все «сестры» служанки видели мой гребень, кто-то завидовал, кто-то хвастался своим, кто-то не обращал внимания, но то, что этот гребень мой — знали все.

В рядах фрейлин одна из женщин — пожилая, в темно-сером, с лицом, изрезанным сухими морщинами вокруг рта, — тихо, скорбно охнула, и звук этот разнесся по двору с театральной отчетливостью. Аканэ опустила голову еще ниже, пряча торжество в складках воротника, и я увидела, как чуть напряглись ее плечи — она готовилась услышать приговор. Удавить шелковым платком... если бы я была знатной дамой мне бы дали написать стихотворение перед казнью. Но стихи служанок никому не интересны. О чем могут написать служанки? О том, как мыть полы и стирать белье? О, белизна лотоса моих простыней...

— Я потеряла этот гребень шесть дней назад, — сказала я, говоря быстрее, чем хотела, потому что чувствовала, как утекает мое время. — В прачечной, у западной стены, рядом с большой кадучкой для золы. Я искала его весь вечер. Я спрашивала у двух служанок, не видели ли они. Я даже разгребала остывшую золу пальцами, потому что подумала — а вдруг упал туда, когда я наклонялась за щелоком.

— Спрашивала. У кого?

— У... — горло у меня сжалось, и пауза эта получилась длиннее, чем мне хотелось, потому что в ней Фудзино должна была услышать то, что я не говорила, — у Тайко, младшей прачки. И у... госпожи Аканэ.

Я не повернула головы. Я смотрела прямо на Фудзино, на тонкую вертикальную складку, прорезавшую ее набеленный лоб между бровями, но я знала, как знают спиной, что Аканэ сейчас подняла глаза — на мгновение, на одну короткую вспышку, — и наши взгляды встретились без участия лиц.

Аканэ, шесть дней назад, в полутемной кладовой, где пахло свежим крахмалом и подогретым уксусом, угощавшая меня треугольным рисовым колом с соленой сливой внутри. Аканэ, мягко смеявшаяся над моими историями о провинции, кивавшая, поддакивавшая, спрашивавшая со сладким любопытством, скучаю ли я по дому. Аканэ, между третьим и четвертым колом сказавшая полусонно: «Не расстраивайся из-за гребня, найдется. Может, ты его обронила в коридоре, когда шла мимо покоев госпожи?»

Тогда я ничего не подумала. Тогда я была благодарна за участие. Сейчас я смотрела в набеленное лицо Фудзино и понимала, что меня кормили рисовыми колами, как кормят гуся перед праздником — чтобы стал жирным и большим. И чтобы его мясо скворчало на сковороде, выделяя внутренний жир, который потом утирают с пальцев или облизывают их. Аканэ, ты змея.

— Госпожа Фудзино, — сказала я, и слова теперь шли медленно, потому что я выбирала каждое из них, как выбирают камни, перебираясь через ручей, — меня подставили.

Тишина выгнулась в воздухе, как натянутая тетива. Снег падал чаще, крупнее, и на черных волосах Аканэ уже белели две или три снежинки, не успевшие растаять. Где-то в правом крыле павильона звякнула посуда, и тут же звякнула снова — кто-то нес поднос с чаем, и руки у этого кого-то дрожали.

Одна из фрейлин в заднем ряду — та самая, в темно-сером, — позволила себе короткий, режущий смешок.

— Какая дерзость, — сказала она тонким, как игла, голосом. — Дочь провинциального счетовода обвиняет дворцовых служанок в подлоге.

— Дочь архивариуса, — поправила я тихо, и сама удивилась тому, как ровно это прозвучало.

— Что ты сказала?

— Мой отец — архивариус Третьего ранга при провинциальной управе Овари. Он не считает деньги, госпожа. Он находит несоответствия между тем, что записано в документах, и тем, что есть в действительности. Это другая работа. Совсем другая.

Узкие темные глаза Фудзино сузились еще на волос, и в них впервые мелькнуло что-то, не похожее на холод, — мелькнуло и пропало, придавленное обратно весом тренированного лица.

— И какие же несоответствия, — спросила она с обманчивой неторопливостью, и я услышала, как одна из фрейлин позади нее затаила дыхание, — ты находишь в этом деле, дочь архивариуса?

Я сглотнула, и сухое горло отозвалось болью.

Это был тот самый момент, ради которого я и стояла на коленях с самого утра, перебирая в голове варианты и способы. У меня будет только один шанс. Если я скажу «не знаю» — меня уведут в холодную, переоденут, заставят принять ванну и к закату увезут на Западное кладбище, удушенную тонким шелковым шнуром. Если я прямо обвиню Аканэ, не имея доказательств, — будет то же самое, только быстрее, потому что Аканэ заплачет, может быть даже упадет в обморок и конечно же отметет все мои слова. Она подготовилась к этому еще когда угощала меня рисовыми колобками в кладовой, никто не поверит мне. Все поверят ей — доброй Аканэ, которая приглядывала за неблагодарной дочерью какого-то там мелкого чиновника из провинции.

У меня было время подумать — с самого утра я только и делала что думала, стоя на коленях и изучая трещины на полированных каменных плитах.

Я знала, что Принцесса больна семь ночей, а я во дворце двенадцать дней. Семь меньше двенадцати. Если бы я хотела навредить, я начала бы раньше, а если я начала бы только что — почему болезнь длится дольше, чем существует моя возможность подложить куклу? Никто из них этого не сосчитал. Они смотрели на куклу, а не на даты.

Я знала, что эти куклы и травы — деревенская магия, которой обмениваются на ярмарках старухи, и ни одна образованная фрейлина не верит в них всерьез. Значит, эти улики предъявлены не для того, чтобы доказать колдовство. Они предъявлены для того, чтобы закрыть дело быстро, до приезда некоего гостя, чье имя я слышала дважды за последние сутки.

Я знала, что настоящая причина болезни Принцессы — где-то рядом, в самой ее спальне, и что тот, кто подложил мой гребень под татами, эту причину знает и боится, что кто-то начнет искать всерьез.

Я выпрямила спину, и колени взвыли так, что в глазах потемнело по краям.

— Госпожа Фудзино, — сказала я, глядя ей прямо в зрачки, — если бы я хотела навредить Принцессе с помощью проклятия, я не подложила бы туда собственный гребень с обломанным зубцом, который любая служанка прачечной опознает за половину удара сердца. Это слишком очевидно. И, простите мне дерзость, госпожа, — это слишком глупо для человека, которого вы три дня назад приняли во дворец по личной рекомендации Управителя Восточного крыла.

— Преступники часто бывают глупы.

— Конечно. Но не настолько. Я бы подложила гребень другой служанки. — кто-то едва слышно охнул. Фудзино не шевельнулась, но темные узкие глаза ее остановились на мне с новым выражением — не одобрения, нет, но того цепкого внимания, с каким разглядывают неожиданно сложный иероглиф в старом свитке.

Снег падал белой пеленой, и в этой пелене лицо Фудзино вдруг показалось мне далеким, отделившимся на много шагов, хотя она не двинулась с места. Где-то далеко, за восточной стеной двора, прокричала ворона — резко, надтреснуто, дважды, — и одна из фрейлин позади Фудзино суеверно сжала пальцы в защитный знак.

Госпожа Фудзино смотрела на меня долго. Я насчитала про себя двенадцать ударов сердца, потом еще шесть, потом сбилась.

— Так ты признаешь, что у тебя на уме коварные замыслы, дочь архивариуса... - она подалась чуть вперед.

— Да, Госпожа. — сказала я, с трудом сглотнув пересохшим горлом. — Я признаю, что у меня в голове много дурных мыслей. Но я никогда не позволяла себе им следовать. Я признаю, что я хотела съесть больше соленых слив и выпить сладкого нагретого вина и может быть — побездельничать на солнышке. Но никогда я не хотела, не думала и тем более — не делала ничего во вред Принцессе Акико!

— Хм. — выражение лица Фудзино изменилось. Едва-едва, но я уловила эту перемену.

— Улики показывают на нее. — торопливо высовывается рядом с Фудзино другая фрейлина, она в светло-сливовом платье с журавлями по подолу и рукавам. — Нельзя допустить чтобы Принцессу увидели в таком виде! Госпожа Фудзино!

— Помолчи, Косаки. — досадливо морщится Фудзино и поворачивает голову ко мне. — Слишком очевидно, ты хочешь сказать это, дочь архивариуса?

— Да. Пожалуйста, дайте мне три дня сроку, Госпожа!

— Для чего?

— Я найду настоящую причину болезни Принцессы Акико. Настоящую причину — ту, от которой госпожа задыхается каждую полночь, ту, которую не смог найти лекарь Куро, потому что он искал в теле, а искать нужно в комнате. Если я не найду — вы можете казнить меня без суда, госпожа, и я сама положу голову на колоду.

— Я и так могу казнить тебя без суда. — наклонила голову Фудзино. — И ты это знаешь.

— Можете, госпожа, — согласилась я ровно, и это далось мне дорого. — Но если вы казните меня сейчас, госпожа Акико продолжит ... болеть. И будет просыпаться так до тех пор, пока Лорд Мичитака не приедет на пятый день и не увидит свою дочь такой, какой ее видят сейчас фрейлины. Если он увидит ее такой, свадьбы не будет. Если свадьбы не будет...

Лорд Мичитака. Отец нашей Принцессы, глава клана Фудзивара, тот к кому я и поступила на службу. Я еще пока ни разу его не видела, но все во дворце делали испуганные лица лишь заслышав это имя. И сейчас старшая Фрейлина, Госпожа Фудзино, набеленная, выложенная двенадцатью слоями шелка, выученная сорока годами дворцовой службы, — как будто бы даже слегка побледнела. Потому что свадьба Принцессы Акико — это не просто свадьба. Принцесса Акико выходит замуж за Императора. Как только он станет Императором. И если к тому времени Акико не будет здоровой и физически, и психически — ей найдут замену. В клане Фудзивара полным-полно молодых девочек на выданье, этот клан всегда славился своими дочерьми, которые вот уже двести лет неизменно разделяли трон с Сыном Неба. И все бы ничего, но если вместо Акико невестой Императора станет дочка другого лорда, кого-то из братьев Лорда Мичитаки, то роль Лорда Мичитаки как отца нынешней Императрицы — заметно ослабнет.

Именно поэтому Фудзино побледнела. Под слоем свинцовых белил это было почти незаметно, но напряглась шея, и тонкая голубая жила на левой стороне горла поднялась к подбородку и забилась чаще. Где-то в правом ее рукаве, под нижним слоем шелка, согнулся и разогнулся палец.

Попала, подумала я.

Уголок ее набеленного рта дрогнул — на одну сотую вдоха, не больше, — и я не поняла, было ли это раздражение, или это была первая, едва родившаяся тень улыбки. Может быть, и то и другое одновременно. У женщин, которые сорок лет служат при дворе, эмоции, как и шелка, носятся слоями.

Она помолчала долго. Снег ложился ей на плечи, на черный лакированный гребень в волосах, на длинные рукава, и она не стряхивала его, как не стряхивает снег каменное изваяние перед храмом.

Потом медленно подняла правую руку — узкую, бледную, — и сделала короткий жест в сторону стражника, стоявшего у ворот двора. Стражник шагнул вперед, и под подошвой его сандалии хрустнул тонкий ледяной налет на плите.

Я закрыла глаза, и под веками вспыхнули красные круги. Что же... я попыталась.

— Три дня, — сказала Госпожа Фудзино.

Я открыла глаза и моргнула.

— До рассвета четвертого дня, — продолжила она, и голос ее снова был ровным, сухим, рабочим, как голос человека, диктующего писцу. — Ты получишь три дня, дочь архивариуса. Если на исходе срока ты не принесешь мне настоящую причину болезни госпожи Акико — настоящую, доказанную, такую, чтобы я могла предъявить ее лекарю Куро и он согласился, — ты умрешь. Я обещаю тебе это лично. Я лично скормлю тебя собакам, и тело твое не вернется к отцу в провинцию Овари, потому что от него не останется ничего, что стоило бы заворачивать в погребальный шелк.

— Поняла, госпожа.

— Все эти три дня ты будешь работать в прачечной, под надзором старшей прачки Хисы. Никаких исключений из работы. Никаких посещений верхних покоев. Никаких разговоров с фрейлинами выше четвертого ранга. Если я узнаю, что ты задавала вопросы не на своем уровне, или поднималась на галерею Принцессы, или приближалась к лекарю Куро ближе чем на десять шагов, — три дня превратятся в три часа, и я буду присутствовать при этом лично, чтобы тебе не было одиноко.

— Поняла, госпожа.

— Встань.

Я попыталась. Левая нога не слушалась вовсе — она ощущалась как чужое полено, прислоненное к моему бедру. Правая отзывалась тысячей мелких иголок. Я оперлась ладонью о мокрый камень, и холод плиты ударил в запястье так, что заломило до плеча, но я поднялась. Покачнулась. Удержалась, упершись взглядом в одну точку — в маленькое пятнышко кино-вари на нижнем рукаве Фудзино.

Она уже отвернулась. Шелк ее одежд зашуршал — длинный, многослойный, шипящий шорох, похожий на звук, с которым осыпается песок в водяных часах, — и она пошла обратно в павильон, не оглядываясь. Фрейлины двинулись за ней цепочкой, как стая серых и лиловых птиц, переступающих по краю крыши.

Аканэ задержалась на полсекунды дольше, чем требовал ритуал. Она глянула на меня через плечо, и в этот раз в ее глазах было любопытство, прохладное, оценивающее любопытство мастера, разглядывающего работу подмастерья, которая оказалась лучше ожидаемой, и под этим любопытством — тонкий, едва различимый осадок досады, потому что сегодня утром она ожидала видеть мою кровь на плитах, а вместо этого видела меня, стоящую на ногах, со сроком в три дня.

Она отвернулась и пошла за остальными, и снег скрипнул под ее деревянными сандалиями — три коротких скрипа, и тишина.

Я наклонилась к шелку, и поясница прострелила болью от копчика до затылка. Собрала с белой ткани свой гребень, соломенную куклу с торчащей из груди иглой, перевязанный красной нитью пучок белены и полыни. Стражник у ворот не двинулся, чтобы отнять, — Фудзино не отдала такого приказа, и это значило, что она хотела оставить улики в моих руках. Значит, разрешено.

Я завернула все три в платок, узлом наискось, как заворачивают рисовые лепешки в дорогу, и прижала сверток к груди под верхним слоем платья.

Снег пошел гуще, ровными плотными слоями, скрадывая углы двора, размывая черепичные карнизы, делая мир похожим на размытую тушь на старом свитке. Где-то в глубине павильона, за тремя стенами и двумя ширмами, тонко, прерывисто заплакала женщина — высокий,

дрожащий звук, как будто кто-то задышался во сне и не мог проснуться полностью, и плач этот тут же оборвался, заглушенный, вероятно, ладонью прислужницы.

У меня есть три дня, подумала я, коротковатый срок для следствия, но, если бы я попросила месяц меня бы казнили тут же. В этом мире еще не знакомы с волокитой следствия и судебного процесса... и может быть можно было бы все оставить как есть. Прожить ту самую простую жизнь обычной девушки. Однако это оказалось неожиданно сложным, я и двенадцати дней во дворце не прожила, как уже в проклятии и саботаже правящего дома обвинили. Три дня...

Глава 2

Глава 2

В Храме Времени истекал водой рококу. Очередной шарик катился по медному жёлобу — глухо, неторопливо, отсчитывая последнюю четверть часа Тигра. Хранитель поднял коло-тушку.

Гул растёкся по Нижнему двору — тяжёлый, низкий, ночной. Днём хранители били в колокол, и звук получался звонкий, высокий, праздничный. Ночная смена звучала барабаном. Барабан забирался под тонкие одеяла, под кожу, под рёбра — и одеяла от холода не спасали, а барабан тоже не грел, но будил.

Я открыла глаза за минуту до удара, как и вчера. Как и все то время, что я жила в Императорском Дворце. Откуда у меня взялась эта привычка просыпаться раньше барабана — я не знала. То ли прежняя хозяйка тела оставила мне в наследство, то ли мозг сам, без моего участия, выучил расписание Нижнего двора.

Некоторое время я смотрела вверх, осознавая кто я такая и что тут делаю. Кодама Аяко, дочка архивариуса, отданная по жребию в службу уней то есть «дворцовой девой» в Императорский Дворец, а еще — лицо под подозрением, обвиняемая в преступлении против короны, как сказали бы на Западе. Короны тут не было, но вот преступления против власти — были. И, наверное, неправильно говорить «обвиняемая», здесь отсутствует такое понятие как «презумпция невиновности» и с момента как тебя обвинили в преступлении, ты — преступница. И только если ты сможешь доказать, что это не так — только тогда ты ей перестанешь быть. Так что это скорее презумпция виновности.

Я моргнула. Это была не первая жизнь. Кодама Аяко — не первый человек, в чье тело я попадаю, вот только память о прежних жизнях как будто бы под запретом. Остались умения, знания, воля и навыки, но все остальное я пока не могу вспомнить. Пока же у меня в голове осталась память о жизни Аяко, неполные шестнадцать лет, по местным меркам почти старая дева. Так и не выданная замуж, отчасти, потому что денег на нормальное приданое не было, а отчасти, потому что отец Аяко уж очень ее любил и не хотел отдавать абы кому. Размышляя о ситуации, я понимаю, что провинциальные чиновники наверняка искренне считали, что оказали ее отцу услугу — спланировали дочку на службу в Императорский Дворец, вон ей сколько, а все еще не замужем, корми ее и пои бесплатно... а тут — и нахлебницы больше нет и долг свой выполнил, на пять лет от налогов освобожден. Я закрыла глаза, чувствуя, как в груди что-то сжимается при воспоминании как отец провожал Аяко, как молчал перед дорогой, как всучил подарок и запас рисовых колобков в дорогу. Медленно вдохнула. Раз. Два. Три. Четыре. Задержала дыхание — тоже на четыре счета. Выдохнула. Опять на четыре. Пауза. И снова. «Квадрат», упражнение для того, чтобы успокоиться и взять себя в руки. Полезное умение если придется ждать в засаде, например. Или если попала в засаду.

Жизнь у «дворцовых дев» не сахар, никто тут бездельничать не даст. Почти все во дворце делается их руками — уборка, чистка, стирка, подметание полов, украшение помещений, готовка еды, доставка посланий и мало ли чего еще. Они и танцуют, и поют и служат подругами для знатных леди, а самые удачливые и красивые — наложницами самого Императора.

Перспектива сомнительная и я до сих пор не испытываю никакого желания в золотой клетке жить. Хотя сейчас я точно так же живу в клетке, только в обычной. И да, еще и стирать приходится. Так что — дышим на счет четыре, успокаиваем себя. Вырабатываем отношение, в конце концов все это ненадолго, через три дня меня тихонько удавят в тихой комнате

шелковым шнурком и все. Открою глаза уже в следующей жизни, надеюсь хоть там поесть и выспаться сумею.

Я улыбнулась. Правильный настрой, Аяко Кодама. Аяко значит – «Дитя Письмен» или «Маленькая Буковка», подходящее название для дочери архивариуса. Кодама означает «Малая Жемчужина». Хорошая фамилия для мелкого рода. И даже если меня удавят через три дня, отец Айки не будет опозорен, ему не расскажут о том, что Аяко была обвинена и казнена. Дворец умеет хранить тайны. А значит я никого не подведу... замечательно. Можно вообще ничего не делать, в потолок плевать три дня, а потом «ну не смогла я, не смогла, душите уж». Интересно, какие ощущения при удушении? Смутно помню, что в меня стреляли, били ножом, топили в оранжевой, маслянистой жидкости... но душили ли хоть раз? Совершенно точно знаю, что есть категория людей, которые получают оргазм от асфиксии, было очень много случаев, когда такие вот «получающие наслаждение» увлекшись процессом – сами себя придушивали до смерти. Хм. Я снова улыбаюсь в потолок, на этот раз уже шире. Расслабьтесь и получите удовольствие, да? Было бы здорово уйти с фейерверками в голове, да и палачи озадачатся, если я напоследок ...

- Аяко! Ты... ты что?! Ты – улыбаешься?! – тихий шепоток рядом. Поворачиваю голову. Моя соседка, девочка по имени Чиё – смотрит на меня огромными глазами. Огромными – потому что они у нее и так слегка навывкате, а еще она худенькая очень и глаза на этом фоне кажутся больше. Но сейчас она их прямо-таки выпучила. И отодвинулась.

- Конечно. – говорю я ей. – Как не улыбаться. Впереди прекрасный день, Чиё, надо это ценить!

- ... ты... тебя же казнят через три дня! – горячий шепот.

- Во-первых это не повод расстраиваться. Так весело, отчаянно, шел к виселице он! В последний час, в последний пляс, пустился Макферсон! Прости мой край, весь мир прощай, меня поймали в сеть! Но жалок тот, кто смерти ждет, не смея умереть! Хм. – я задумываюсь. А ведь Макферсона повесили. Получается он тоже извращенец и любил себя придушить, потому и шел весело? Или все же не стоит опошлять национальных шотландских героев? С другой стороны какой он герой, просто удалой разбойник...

- Она сумасшедшая! – раздается шепоток из дальнего угла и на меня показывают пальцем. – Ненормальная! Она несет проклятье!

- Аяко... - Чиё отодвигается еще дальше, и я ее понимаю. Мы знакомы всего ничего, и привязаться ко мне у нее уже не выйдет. По крайней мере она так думает. Меня удушат через три дня – так думает она. А еще наверняка думает, что зря она рядом со мной спит, мало ли, вдруг сумасшествие и проклятие заразны?

- Встали! Чего разлеглись! – голос старшей над «дворцовыми девами». Ее зовут Сидзука-но Цубонэ. Госпожа Тишина. Имя конечно же ироничное, потому что кричит Госпожа Тишина громче всех, а кто отстаёт – может и бамбуковой палкой приласкать по голеним. Почему по голеним? Да потому что спина для работы нужна, а ходить прихрамывая, мелко семеня синяки на голених не мешают. Даже особый шарм придают – косолапят такие служанки вдвое больше.

Я встаю и неторопливо убираю свою постель. Порядок в Нижнем Дворе превыше всего, вот только что на циновках вповалку лежали, а через пять минут – уже чисто все, все футоны свернуты и убраны, остались только татами. Теперь – к выходу, помыться у желоба с проточной водой, сходить в туалет, снова помыться, убрать волосы под специальные шапочки служанок, привести одежду в порядок и – на выход. Впереди новый рабочий день.

Иду вместе со всеми, в потоке и в то же самое время – сама по себе. Вокруг меня как-то сразу образуется пустое пространство, эдакий круг в три шага диаметром. Я – зачумленная.

- Будь ты чиста как лед и невинна как снег – ты не избежешь клеветы... - вздыхаю я. Местных девчонок можно понять. С их точки зрения я – ходячий, говорящий и мыслящий труп. Кстати, моя точка зрения от их не сильно-то и отличается. Госпожа Фудзико дала мне

три дня но как дала! Задание из разряда «пойди туда, не знаю куда и найди то, не знаю, что, но точно не это» - ерунда по сравнению с ее иезуитской логикой. Оправдаться за три дня? Наверное можно. Но оправдаться за три дня, когда все три дня я обязана работать прачкой с утра до вечера и при этом у меня нет доступа ни к комнате принцессы Акико, ни к фрейлинам, ни даже выйти из своего барака вне рабочего времени я не смогу. В сухом остатке – у меня нет ни малейшего шанса на то, чтобы выяснить причину проклятия принцессы. Три дня пролетят как миг. И чего я выторговала себе своей просьбой? Возможность три дня стирать грязное белье? Не умеешь ты торговаться, Аяко, уж если три дня жить, так хоть поесть бы попросила нормально, вечно тут похлебку не докладывают. Толстая повариха едва черпак в мою миску кладет, ууу, жадина.

Мы вышли в трапезную. Трапезная в Нижнем дворе — это вам не банкетный зал, тут мрамора и красного дерева нет. Это обычный длинный навес под черепичной крышей, открытый с одной стороны во внутренний двор, с деревянным настилом, с двумя рядами низких деревянных столиков в ладонь высотой. Сидят на соломенных циновках-подушечках, как обычно – поджав ноги под себя, усевшись на пятки.

Пахло варёным рисом, мисо и какими-то благовониями. Пусть и Нижний Двор, но все же – это Дворец, так что с утра тут уже прошлись служки из наших и поставили курильницы с ароматными палочками. Нет на Нижний Двор никто не тратил сандал, это была толченая кора дерева та-бу-ноки. Но пахло приятно.

Я взяла свою плошку у поварихи, на удивление – не толкаясь в очереди. Есть и свои бонусы в том, чтобы быть зачумленной, «принцессой проклятий» - никто не решается встать в очередь вперед тебя или толкнуть под локоть. Вокруг меня – почтительная пустота. По крайней мере я так считаю, что пустота почтительная. На самом деле она скорее брезгливая, но взгляды исподлобья и шипение в спину на ворот не виснут, так что я взяла свою плошку и ...

И застыла.

Плошка была полной. То есть — действительно полной. Рис горкой, как насыпают благородным гостям на праздник Урожая. Сверху — две полоски солёной редьки. А еще мне протянули отдельную мисочку с мисо-супом, и в супе плавали, кусочки тофу. Немыслимо.

Я подняла глаза на повариху.

Она была толстая, в годах, с красными от пара руками и круглым добрым лицом, на котором сейчас читалось что-то очень странное. Вина? Она переживает что я скоро умру и жалеет меня, жалеет, что раньше клала мне в миску дай бог четверть от того, что положено? Нет. Повариха тут давно, а с местными нравами таких вот казней она тут насмотрелась. Так что это не вина... страх. Она меня боится? Но почему? Думает, что я и на нее проклятье могу наложить? Да нет, глупости, тут проклятья накладываются сложным способом, все так думают, тут нужно подбросить или подарить вещицу. Но она все равно меня боится... интересно почему?

Повариха быстро отвела взгляд. Шмыгнула носом. И, не поднимая глаз, тихо буркнула:

— Иди, иди. Не задерживай.

Я села на дальнем краю длинного стола — там, где никого не было, потому что вокруг меня всё ещё образовывался круг в три шага. Поставила плошку. Посмотрела на гору риса, задумалась.

Ага. Понятно. Покойнице — последнее угощение. На дорогу. Это очень по-нашему. То есть — по-местному. Здесь верят, что обиженный мёртвый возвращается. Что душа, не получившая своего, превращается в онрё: — гневного духа, и идёт мстить. Все, кто скупится с приговорённой, рискуют потом всю жизнь оглядываться: не стоит ли за плечом Аяко-но Кодама, тощая и бледная, с чёрными волосами до пят и с упрёком в пустых глазницах. Лучше пусть Аяко-но Кодама уйдёт сытая. Лучше пусть Аяко-но Кодама уйдёт довольная. Лучше — с тофу в животе, чем с обидой в сердце. Что же касается всех других служанок, которых удавили шелковым шнуром в тихой комнате — так их как приговорили, так и удавили. Времени на позлиться

у них не было, а у меня – три дня. Шикарно. Тут можно и списочек составить, вот и засуетились работницы кухонного цеха, чтобы Аяко-но Кодама не запомнила их как нехороших людей, объедающих бедную девочку.

Я взяла палочки.

И впервые за две недели поела по-настоящему. Рис был тёплый и липкий, разваренный до того, как надо. Редька хрустела. Мисо отдавало рыбьим бульоном — слабым, на третьей варке, но всё-таки бульоном, не пустой водой. Тофу я раскусывала медленно, отдельно, как лакомство. Ела не торопясь. Чужое тело внутри радовалось каждому глотку, как радуется ребёнок, которому впервые за месяц дали сладкого. Я не мешала ему радоваться.

Слева от меня, через шаг пустоты, сидела Чиё.

Она ковыряла палочками свою плошку — в три раза более тощую, чем моя. Поглядывала на мой рис. Отводила глаза. Снова поглядывала. Я подождала, пока Госпожа Тишина отвернётся в дальний конец навеса — она там кого-то отчитывала, кажется, за плохо повязанную шапочку, — и быстро переложила половину моего тофу в её плошку. Палочками. Аккуратно. Будто это и не я.

Чиё ахнула. Тихо.

— Аяко-нээ-сан, не надо! Это же твоё! Тебе же...

— Мне куда столько, — пожала плечами я. — Я ж тощая, совсем как Чиё. Не лезет.

Она посмотрела на меня. Потом на тофу. И вдруг — заплакала. Беззвучно, как умеют плакать только дети, которых уже отучили шуметь. Слёзы покатались по щекам, а лицо осталось неподвижным.

— Эй, ты чего, — растерялась я. — Тофу же. Это хорошо. Это есть надо, а не плакать в него.

Она кивнула, утёрлась рукавом. И начала есть — быстро, жадно, как будто я могла передумать и забрать обратно. Все-таки здорово тут недоедают в Нижнем Дворе. И это еще ничего, слышала я историю как одну наложницу в Верхнем – голодом уморили. Вот просто перестали к ней служанки с едой заходить и все. А выйти из своих покоев она не могла, потому что запрет на свободное перемещение у наложниц Императора, во избежание сглаза и прочего. Так и умерла бедняга от голода посреди шелка, слоновьей кости, серебра и красного дерева. И конечно же не просто так к ней перестали служанки заходить, а потому что Императрица приказала. Не напрямую, конечно, нет у нее власти наложниц казнить, но... как я поняла – способы обойти это у нее имеются.

Я снова взяла свою плошку. Никто не скажет будто я тиран и сумасброд, за то что к чаю я люблю хороший бутерброд, а?

И тут, с другой стороны, кто-то осторожно подсел. На расстоянии трех шагов, на самой границе моего «круга зачумлённости». Девушка постарше Чиё, лет восемнадцати, с круглым лицом и тонкими бровями, выщипанными в ниточку — значит, успела побыть в Среднем дворе, там это модно. Видимо, провинилась и спустила вниз. У неё был вид человека, который очень долго собирался с духом и наконец собрался.

Она положила перед собой плошку. Я свою тоже. Мы делали вид, что просто едим рядом.

— Ая... ко-сан, — сказала она, не глядя на меня. — Можно вас попросить.

Я молчала. Жевала редьку.

— Если... — она запнулась. Кашлянула. Голос упал до шёпота. — Если вы... когда... в общем, если встретите там мою мать. Её звали Тама. Тама из деревни Сирокава, провинция Этидзэн. Она умерла два года назад зимой. От кашля.

Я перестала жевать.

— Передайте ей, пожалуйста, что Сачи помнит. И что я не вышла замуж за того, кого она хотела. И что я... что я прошу прощения. Что не пришла на сороковой день. Меня не отпустили из дворца. Я не смогла.

Она положила рядом со мной что-то маленькое, завёрнутое в кусочек ткани. Я скосила глаза. Это был сухой стебелёк какой-то травы — кажется, полыни. Из дома, наверное. Из той самой деревни Сирокава.

— Передай ей это, пожалуйста, — сказала Сачи тихим голосом. — Она поймёт.

Я смотрела на стебелёк.

Так. Хорошо. Я уже мёртвая. Я уже почтальон между мирами. Сегодня — Сачи, завтра — ещё кто-нибудь, послезавтра ко мне очередь выстроится с прошениями на тот свет, как в волостной управе. «Здравствуйте, я Аяко-но Кодама, специалист по доставке корреспонденции на территорию Ёми-но куни, тарифы умеренные, оплата рисом, отзывы можно посмотреть у предыдущих покойниц...». Конечно же. Был такой ушлый парень, Сайнт Сельмер, который отсидел двадцать девять лет за мошенничество и был отпущен домой умирать от рака. В газетах он разместил одно объявление «Я умираю и могу за 5 долларов передать письмо вашему усопшему родственнику, а за 15 долларов — посылку». И что вы думаете? С ним вместе хоронили тринадцать гробов с письмами и посылками, а он лично заработал два с половиной миллиона. Которые и оставил своей дочери. Обаятельный мошенник... правда думаю, что часть вечности ему пришлось потратить, служа почтальоном на том свете...

Я поймала себя на том, что снова улыбаюсь. Усилием воли убрала улыбку, это невежливо. Сачи и так трудно. Не надо ей видеть, как покойница лыбится над её просьбой, тем более что ничего смешного в этом нет. Или есть?

— Я передам, — сказала я, кивнув головой. — Тама из деревни Сирокава. Помнит. Не вышла за того, кого хотела. Прощения за сороковой день. Я запомнила.

Сачи коротко выдохнула — будто долго не дышала.

— Спасибо, — прошептала она и положила на стол небольшую монетку из потемневшего серебра. — Вот. За доставку.

— Не надо, — сказала я. — Может меня еще и не удавят.

Она замотала головой, мол, нет, бери, и быстро отодвинулась в сторону, склонившись над своей плоской — рядом прошла Госпожа Тишина, бдительно наблюдая за порядком во время трапезы. Сидящие за столами — поспешно сделали вид что заняты исключительно своими плоскими.

Я посмотрела на стебелёк полыни, сунула его за пазуху, под верхнее косодэ.

И тут же — с другой стороны — подседа следующая. Худенькая, востроносая, с красными пальцами от щёлока (значит, из прачечной, моя коллега). Положила плоску. Молчала. Собиралась с духом.

Я доела рис.

— Говори, — сказала я, стараясь не улыбаться от иронии ситуации. — Кому что передать? Посылка или письмо? Привет родне?

Она вскинула на меня глаза — испуганные и круглые.

— Отцу, — выдохнула она. — Его звали Городзаэмон. Кузнец. Сгорел в кузнице четыре года назад. Передайте, что я жива. Что я во дворце. Что у меня всё хорошо. Что ему не надо... не надо за меня переживать. Пусть спокойно идёт по пути.

Она тоже положила рядом со мной что-то. Маленький, плоский, потемневший от времени гвоздик. Кованый. Отцовской работы, наверное. Гвозди ковать — тут тоже работа и работа тонкая и тяжелая одновременно. Пока я думала — девушка встала, поклонилась и поспешно удалилась в сторону, оставив на столе еще одну монетку. Один коку риса тут стоил где-то сорок серебряных монеток, на одну монетку человек мог жить и питаться примерно неделю. И питаться хорошо.

Я посмотрела на две серебряные монетки, что лежали на столе передо мной. Служанкам в Нижнем Дворе никто не платил за труд и если у них появлялись деньги — это были их

собственные деньги, зачастую от родственников или знакомых. Ну или подарки от тех, кому повезло больше, от обитательниц Среднего или даже Высшего Дворов.

У Аяко например – совсем не было при себе денег. До этого момента. Что же... жизнь, кажется, стала налаживаться. Жаль, что она такая короткая вышла. Надо бы всех запомнить, а то вон, уже очередь собирается... такими темпами скоро одна покойница самой богатой служкой Нижнего Двора станет. Как там говорят? В гробу карманов нет, хоть поесть нормально...

- Эй! Чиё! Тофу еще будешь?

Глава 3

Глава 3

Приподнимаю тяжелый валок и с силой опускаю его вниз. Удар. Затем переворачиваю сложенную ткань на другой бок и снова бью по ней деревянной лопаткой, которая называется тут сэнтаку-ита — на западе такое называли бы валком для стирки. Деревянная лопатка с нанесёнными на её поверхность рубчатыми волнами как на стиральной доске. Добавьте сюда мыльный корень и щёлочь из древесной золы, большой плоский камень, на котором раскладывается ткань, и средневековая стиральная машинка готова. Ах да, конечно же без своего основного компонента ничто не заработает. Основной компонент — это я. Или любая иная прачка, которая сперва вымачивает ткань в щёлоке, обрабатывает мыльным раствором, а уже потом раскладывает на камне и бьёт валком, время от времени переворачивая на другую сторону.

Рядом со мной, через два камня, работает девушка постарше — её зовут, кажется, Михо, и у неё руки до локтей красные, как варёные раки. Она бьёт валком в одном ритме со мной, и от этого по всей прачечной идёт двойное эхо — тук-тук, тук-тук, как сердцебиение какого-то большого деревянного зверя. У дальней стены, у котлов с кипятком, две женщины в подоткнутых юбках перекладывают мокрое бельё длинными шестами. Одна ругается вполголоса — кажется, обожгла руку паром. Вторая смеётся, негромко, чтобы не услышала Госпожа Тишина.

В моей голове такая картина всегда вызывала умиление, ведь там молоденькие прачки с голыми руками и крепкими ногами проделывали всё это на берегу реки, в тенистой заводи, на мостках, а вокруг возвышался лес, цвели цветы и росли травы, из рощи выходили робкие олени, доверчиво приближаясь к людям, а где-то в листве щебетали птицы. Такая вот деревенская пастораль. Полотно для веера дорогой леди, не иначе.

В реальности же весь процесс происходит внутри прачечной, большого каменного здания с множеством окон под самой крышей. Окна пропускают дневной свет, но внутри помещения постоянно клубится пар от котлов с кипящей водой и мокрой ткани. Постоянная влажность, теснота и скученность, запах мокрого белья, рисового отвара и горячий пар, поднимающийся вверх, отсутствие какой-либо техники безопасности, и это я уже не говорю об учёте рабочего времени. Волосы под шапочкой давно намокли, прилипли ко лбу, кофта на спине промокла насквозь и липнет неприятно — а ведь работаем мы тут с самого рассвета и до обеда ещё далеко.

— ...а я тебе говорю, она его в рукаве пронесла, — донеслось из-за соседнего ряда камней. Голос молодой, торопливый. — Сама видела, как она с фрейлинской половины возвращалась.

— Тише ты, дура, — шикнули в ответ. — Услышит кто...

Я не повернула головы. Только удар валка стал чуть тише — чтобы лучше слышать. Бесполезно — собеседницы тоже сообразили, что слышно слишком хорошо, и замолчали. Запомним. Соседний ряд, две прачки, разговор про «фрейлинскую половину» и «в рукаве пронесла». Это может быть про что угодно, от украденного гребня до отравленных благовоний. А может — и про принцессу Акико. Слухи в Нижнем дворе ходят, как сквозняки: не поймать, не остановить, но если стоять у нужной щели — что-нибудь да долетит.

Нет, конечно же есть и такие прачки, что стирают кимоно знатных господ и леди, они называют это «арай хари» — это когда кимоно распускают по швам, а получившиеся отрезки ткани прикрепляют к шестам и опускают в реку, чтобы течение деликатно вымывало из ткани всю грязь. Вот это я понимаю, работа: сидеть на берегу реки и созерцать, как природа за тебя делает твоё дело. Впрочем, у прачек «арай хари» тоже жизнь не сахар — там ответственность, не дай боже течением кусок шёлка унесёт, этот шёлк стоит больше, чем сама прачка. Или там во время глажки уголёк из жаровни-хибати выскочит и дырку прожжёт... тоже трагедия, виновную в лучшем случае сошлют сюда, к нам, бить валком, а в худшем — в долговое рабство к торговцу шёлком на пять лет. По крайней мере, так шептались за ужином две позавчерашние новенькие, которых я слушала, пока остальные шарахались от меня, как от чумной.

Я же на сегодняшний день нахожусь на самом доньшке пищевой цепочки прачечной, неквалифицированная работница, которая «подай быстро, принеси, иди отсюда не мешай» только и может. Зато и ответственности считай никакой. Сказали валком бить — бью. Думаю о том, что такое упражнение здорово развивает мышцы предплечья и спины и если стараться кисть доворачивать в конце, то это тренирует удар мечом — в случае если у меня в руках когда-нибудь будет меч. Или тесак. Или кухонный нож. Да хоть палка. Для укрепления связок предплечий мастера филиппинского арнис давали новичкам тяжёлые палки — вот как раз как валок. Откуда я знаю про филиппинский арнис — отдельный вопрос, на который у меня пока нет ответа. Просто знаю, как знаю, что небо голубое, а соль солёная.

Михо рядом со мной перевернула ткань и сбилась с ритма. Тук. Тук-тук. Тук. Двойное эхо распалось. Я невольно подстроилась под её новый ритм — и снова всё пошло в такт. Странно. Тело Аяко не должно было такого уметь. Аяко — дочь архивариуса, она и валок-то впервые в жизни в руки взяла две недели назад. Это не её навык подстраиваться. Это — мой.

Так что можно это рассматривать как тренировку... на тот случай если я все же решу покинуть гостеприимный дворец и у меня это получится. Я не уверена, что этот новый мир — однозначно средневековая Япония. Есть факты как «за», так и «против», не все сходится в моих файлах, однако пока будем исходить из этого предположения. Я не видела тут драконов и капп, хотя деревенские страшилки про злые духи и привидений присутствуют в изобилии, но так и должно быть. В эпоху, когда после заката солнца что-либо разглядеть вокруг без факела было решительно невозможно — неизбежно появляются суеверия...

- Эй ты! А ну шевелись, чего встала! — бамбуковая палка ожгла мне икру на левой ноге, и я невольно зашипела от боли, поворачиваясь. Госпожа Тишина, ну конечно же. Я встретилась с ней взглядом и ... не отвела его в сторону. Это конечно же была ошибка, новенькая прачка, молодая, без статуса, - обязана всегда стоять перед старшими опустив голову. Никогда нельзя смотреть в глаза! Это грубость, невежество и даже вызов.

Но боль в ноге, вспыхнувшая молнией и пробежавшая по позвоночнику вверх — включает внутри что-то древнее, что-то являющееся самой моей сутью и я — не отвожу взгляда. Я смотрю прямо в глаза Госпоже Тишине и вижу, как она — вздрагивает и отводит свой взгляд, что-то бормоча про себя. Это мне аукнется, думаю я, обязательно аукнется, Госпожа Тишина злопамятна и у нее есть власть в бараках, она старшая над всеми прачками, ей устроишь новенькой небо с овчинку — как за водой сходить.

Однако странное упреждение не дает мне отвести взгляда и смиренно склониться перед старшей. Через некоторое время я все же преодолеваю сама себя и — кланяюсь, опуская глаза долу.

- Прошу простить эту недостойную, досточтимая Сидзука-но Цубонэ, — бормочу я вниз. — Нет мне прощения.

- ... а, да. – слабым голосом отвечает мне Госпожа Тишина и поспешно удаляется. Я смотрю ей вслед, ее уход больше похож на бегство, Госпожа Тишина любит устраивать провинившимся выволочки, наслаждаясь своей властью. Неужели и она опасается проклятия онрё? Видимо в положении обреченной есть и свои плюсы... наверняка она поостережётся впредь меня палкой бить. А в таком случае...

Я оглянулась по сторонам. Мое положение как будто стало немного лучше. Я все еще не могу выйти из прачечной, но если наш строгий надсмотрщик Госпожа Тишина не будет стоять над душой, то может быть мне и удастся что-то вызнать. Я демонстративно отложила валок в сторону и выпрямилась, ожидая строго окрика. Постояла так, уперев руки в бока и разглядывая своих, склонившихся над стиркой товаров.

Ничего. Никто не прикрикнул, никто не одёрнул, никто даже головы не поднял. Михо рядом старательно изучала шов на отрезе ткани, как будто никогда в жизни не видела таких швов. У котла что-то слишком долго мешали шестом.

Я неторопливо подобрала валок и вернулась к работе. Удар. Переворот. Удар.

Госпожа Тишина предпочла не обращать на меня внимания, игнорируя явное нарушение трудовой дисциплины в ее прачечной. Чуть раньше я посчитала распоряжение старшей фрейлины, Госпожи Фудзино изящным издевательством – как я могу оправдаться и тем более выяснить что не так с Принцессой, если буду так же работать в прачечной, не поднимая головы? Но теперь... теперь я получила свободу действий. Не полную, конечно, я все еще не могу выйти во двор или тем более – пройти дворцовые ворота и отправиться в город рядом. Мне напрямую запрещено приближаться к покоям Принцессы Акико и опрашивать ее фрейлин. Но я уже могу свободно передвигаться внутри прачечной. Расспрашивать прачек. И кто-нибудь не понимающий тут бы губу скривил – ну и что? Ходить в прачечной и говорить с прачками – как это поможет?

Может и не поможет – ответила бы такому человеку я, но попытаться уж точно стоит. Тем более что в прачечной полно того, за чем сыщики и агенты всех времен и народов охотились, не жалея живота своего. Это же прачечная. И тут полным-полно грязного белья. Со всего дворца. Если я узнаю, кто именно стирает белье из Павильона Сливы, где ночует Акико...

Я сделала ещё несколько ударов, машинально, не глядя. Скосила взгляд в сторону, наблюдая.

У восточной стены стояли корзины. Высокие, плетёные из бамбука, с крышками, десятка два. Возле них хлопотала пожилая женщина в тёмно-синей кофте — седая, с прямой спиной, с тугим узлом волос на затылке. Она не сидела у камня, не работала валком, не таскала воду в тяжелых, деревянных кадушках. Она сортировала. Брала ткань из одной корзины, осматривала, складывала в другую. Иногда — нюхала. Один раз поднесла к свету и долго разглядывала какое-то пятно.

На корзинах висели бирки. Разноцветные — красные, синие, зелёные, жёлтые, белые. Цветовая кодировка. Если бы были иероглифы, было бы лучше, но прачки поголовно неграмотные, это Аяко обученная, все же дочка архивариуса. Впрочем, некоторые иероглифы и она не знает, но я — знаю. Это не японские, а китайские иероглифы. Так называемое кандзи, состоит из двух иероглифов — «Хань» и «Знак». Вместе — «Ханское Письмо» или «Китайская Грамота». Эх, не ценят тут кадры, девочка и читать и писать умеет, а ее — в прачечную. Вот бы устроиться скажем — чтицей у благородной леди. Читать любовный роман «Повесть о Гэндзи Великолепном» по вечера у кровати, пока леди не заснет, вот и все обязанности.

Я отложила валок в сторону. Если бы у меня было время — я бы нипочем так не поступила, подходить напрямую и выдавать свои намерения — все равно что играть в покер с открытыми картами. Никакого блефа, никакой психологии, расчет только на то, что «на этот раз повезет». А я никогда была особо везучей, иначе как бы я на этом месте и в этом теле оказалась? Если бы

у меня было время, я бы выстроила отношения с этой женщиной ровно, издалека. Без подозрений и вопросов.

Но вот времени-то у меня как раз не было. Потому я вздохнула и направилась прямо к той, что хлопотала у стены, сортируя белье из корзин с цветными бирками. Никто не обратил на меня внимания, все были заняты своим делом, а Госпожа Тишина продолжила старательно делать вид что меня не существует. Ее зовут О-Нацу, она – бэнгакари, «ответственная за разбор». Все младшенькие знают всех старших, а вот наоборот это не работает. Хотя про меня, обреченную на шелковый шнур, принесшую проклятие Принцессе – наверняка знают все. Что же... тем хуже.

- Извините за вторжение, Госпожа О-Нацу. – кланяюсь я почтительным поклоном, остановившись в двух шагах от нее. Со стороны – младшая пришла к старшей за советом. В принципе так все и есть.

- Ты. – О-Нацу окидывает меня коротким взглядом. – Чего тебе надобно, младшая?

- Прошу прощения что обратилась без разрешения. – говорю я, выпрямляясь. – Извините что побеспокоила. Я ошиблась.

Теперь – еще раз поклониться и уйти. Нельзя давить, это вызовет ненужные вопросы, нельзя показывать заинтересованность, это насторожит ее. Просто закинуть крючок... и если ничего не получится, если она сейчас равнодушно пожмет плечами и отвернется – значит придется искать другой подход. Например, сегодня ночью надеть темную одежду, что припрятана в моем футоне и выскользнуть за дверь... вернее – в окно. Крайняя мера, но если придется...

- Постой. – поднятая рука останавливает меня. О-Нацу разглядывает меня и колеблется.

- Старшая? – я сама покорность, смирение и почтение перед старшими. Глаза долу, голова склонена, спина слегка наклонена вперед. Эта Аяко – самая послушная и почтительная девушка во всем дворце.

- Подойди сюда... - ее рука манит меня ближе. – Это же ты... дочка архивариуса? Аяко-но Кодама?

- Эта недостойная действительно известна как дочь семьи Кодама. – отвечаю я. Женщина прищуривается, глядя на то, как я склоняю голову.

- Разговариваешь как благородная. – говорит она. – Почтительна к старшим. Но ленива и безалаберна, младшая Кодама. Ты ведь не дурочка? По глазам вижу, что нет. Так зачем подошла? Думаешь я стану писать письмо своим близким? У меня нет таких денег, да и писать я не умею.

- У вас нет близких, которые умерли? Да благословят Небеса такое счастье. – отвечаю я. – это прекрасно. Я уже сказала, что ошиблась и ...

- У всех есть близкие что ушли. – перебивает она. – Просто ты ленивая и безалаберная, дочка семьи Кодама. Я наблюдала как ты работаешь. Как ты работаешь – точно так же ты отнесешься и к тому, что тебе поручили эти бедняги. Уверена, что на том свете ты точно не станешь разносить наши письма... Аяко-но Кодама.

- Вы на редкость проницательны, Госпожа О-Нацу. Я ленива и безалаберна. Но когда люди поручают мне столь ответственное задание – я исполняю их поручения. – говорю я и вынимаю из-за отворота косодэ засушенный цветок. - Тама из деревни Сирокава, провинция Этидзэн. Умерла два года назад от кашля. Передать что ее дочь, Сача – помнит о ней и просит прощения что не пришла на сороковой день. У нее все хорошо, и она любит свою мать.

К цветку добавился грубо выкованный гвоздь.

- Городзаэмон. Кузнец. Угорел в кузнице четыре года назад. Передайте, что его дочь, Кикиуэ – жива и даже пристроилась во дворец. Чтобы он не переживал и что она его помнит и любит.

- ... что ты...

- Тетушка Ма, умерла пять лет назад, от старости и болезней. Передать что ее племянница, Суми – счастлива и вспоминает о ней. Сказать, что Суми осталось всего три года отработки в Нижнем Дворе и что совсем скоро она сможет выйти замуж. Сестры Химари и Харуно из семьи Сато, умерли от чахотки десять лет назад, у Химари большое родимое пятно на щеке, а Харуно слегка заикается. Передать что старшая сестренка скучает и просит о ней не беспокоиться, потому что у нее все хорошо. А еще спрашивает, чем она их обидела так, что они перестали приходить к ней по ночам и сниться. Просит... просит поцеловать их за нее. А это...

- Довольно. – выпрямляется Госпожа О-Нацу. – Отойдем в сторону, младшая Аяко. Нам нужно поговорить.

И мы с ней – действительно отходим в сторону. О статусе Госпожи О-Нацу говорит то, что никто не удивляется такому, никто не задает вопрос «а куда это вы собрались» и даже Госпожа Тишина просто провожает нас взглядом, а ведь мы – выходим за пределы прачечной! Наружу.

Она увлекает меня за собой, за угол, подальше от колодца, у которого всегда толкуются служанки, перетирая последние сплетни и новости. За углом – останавливается и строго смотрит на меня.

- А ведь я могу сдать тебя страже. – говорит она наконец. – Уж больно ты подозрительная, Аяко-но Кодама. Шпионка?

- Если бы. – вздыхаю я. – Я бы в такой переплет не попала.

- Так чего тебе надобно?

- Если вам нужно передать весточку...

- Передай моим сестрам что я скоро с ними встречу. – отвечает она. – Их зовут Хана и Юки из ... из рода Татибана.

- Татибана? – моргаю я.

- Да. Те самые Татибана... - она досадливо морщится. – И не вздумай упоминать об этом в прачечной!

- Поняла. Хана и Юки из Татибана.

- Теперь – чего ты от меня хочешь? – складывает она руки на груди.

- ... если меня поставят на стирку белья из Павильона Сливы...

- Нет.

- ... - я разглядываю О-Нацу. Тут редко говорят «нет» с такой категоричностью, хотя я тут младшая. Но все равно, обычно добавляют что-то из разряда «мне неловко, но это невозможно». Хотя бы так.

- Я – прачка, Госпожа О-Нацу. – говорю я. – моя работа – стирать. Белье из Павильона Сливы – такое же как из Павильона Тишины или Лазурного Неба. Какая разница, кто именно постирает его?

- Забудь об этом, Аяко. Разговор окончен. – она разворачивается назад, но на полпути – останавливается.

- Ты знаешь какого цвета бывает слива во время сбора урожая? Лилово-синяя... - говорит она, не глядя на меня. – вот какого цвета бывает слива. Держись подальше от корзин с бирками, младшенькая. У тебя есть три дня... проживи их с толком.

- Огромное спасибо вам, Госпожа О-нацу! – кланяюсь я.

- Поспеш на свое место, иначе Госпожа Тишина разозлится...

Глава 4

Глава 4

Мой футон перенесли. Тут такое бывает. Никто не подойдет, не скажет, так и так Аяко, ты у нас «неприкасаемая» и пария, вообще кандидатка в очереди на перерождение, трудовой коллектив испытывает обоснованные опасения что ты у нас проклятия переносишь как бродячая собака блох, так что... вот тебе отдельное помещение, будешь спать там.

Нет, в этой милой стране эти милые люди так не сделают. Они молча отнесут твой футон в каморку и сделают вид что так всегда и было, а в ответ на твой недоуменный вопрос – где же, вашу мать, моя постель – округлят глаза. Ну как же, Аяко-но Кодама, вон же она в твоей личной комнате. Ты чего? Всегда так было.

Я улыбаюсь. Вообще-то тут принято быть сдержанной и даже если ты обрадовалась – нельзя улыбаться. Тем более – если ты обрадовалась. Но мне можно, во-первых, я тут и так в кредит живу, а во-вторых – какого черта? Плевать я хотела на то, что тут принято, что они со мной сделают? Шнурком удавят? Ну так все равно удавят, что ты не делай, меньше взвода не дадут, дальше фронта не пошлют, а своя личная комната – это же прекрасно! У меня в футон завернут комплект темной, немаркой одежды, на вид – просто старое тряпье, соломенные тапочки-дзори в которых можно бежать совершенно бесшумно, которые не мешают взбираться на стены и столбы. Там же – ножницы. Если бы я держала в футоне нож – это неминуемо вызвало бы вопросы, служанкам нельзя владеть оружием и даже кухонный ножичек вызовет неприятное напряжение, а понятия «приватность» в отношении служанок тут вовсе не было. Любой, кто рангом старше прачки (а это практически все, кто проживал в Нижнем Дворе, за исключением разве что мальчиков что уголь таскали) – мог залезть в твои личные вещи. Так что единственным ценным предметом у меня в футоне были ножницы, доставшиеся от матушки Аяко. Два лезвия размером с ладошку, скрепленные полоской гибкой стали. Если разогнуть полоску в другую сторону, то ... шелк и у меня в руках будут два коротких кинжала.

Я улыбаюсь. Отдельная комната – это прекрасно. Я смогу растягиваться и разминаться, не привлекая ненужного внимания. Смогу переодеваться в «темное» не натягивая одеяло на уши и не ожидая пока все заснут. Отдельная комната вообще повышала мои шансы покинуть гостеприимный дворец на порядок. Прямо сейчас шансов разрешить загадку «запертой комнаты с Принцессой» у меня немного. Я не детектив, не разбираюсь в местных ядах и противоядиях, а ведь ежу понятно, что наследницу рода медленно травили. Раньше я еще могла подозревать психическую нестабильность, посттравматический синдром ... но не после того, как сегодня я сунула свой нос в корзину с синей биркой. Я улучила момент, когда в прачечной подняли новую партию белья из котлов, и белая пелена скрыла меня от Госпожи Тишины. Откинула крышку всего на дюйм. Сладковато-гнилостный запах ударил в нос еще до того, как глаза привыкли к полумраку на дне корзины. Простыни и нижнее белье принцессы были измазаны желто-красной слизью. Небольшие пятнышки, дорожка в углу... это не психическая травма.

Болезнь? Может быть. Но скорее всего – яд. А я в ядах как свинья в апельсинах разбираюсь. Так что – надо делать ноги, Аяко-но Кодама. Они тут в этих своих бумажных стенах совсем с ума посходили, думают, что стена и стража у ворот могут остановить одну очень целеустремленную девушку от побега. Мне только ночи дожидаться, и только вы меня и видели, Старшая Фрейлина Госпожа Фудзино, Госпожа Тишина и Госпожа О-Нацу. А также Чиё, Михо и другие. Особенно – шелковый шнурок в руке у палача.

Баракы служанок в Нижнем Дворе расположены почти у самой стены Дворца, место непрестижное, в случае осады или не дай бог захвата врагом – первым попадет под удар. Зато от стен барачков и до внешней стены Дворца – всего тридцать метров. Четыре с половиной

метра вверх – отверстая гладкая стена, так бы сказали местные. Но совершенно гладких стен не бывает, кроме того, я присмотрела моток веревки в прачечной... в любом случае я преодолю эту стену довольно быстро. Это тело довольно слабо, не тренировано, но искусство побега подразумевает работу головой, а не мышцами, найти путь, а не проложить его. Веревка нужна не для того, чтобы взобраться на стену, а для того, чтобы – спуститься с нее по ту сторону. Мало ли что там – ров с крокодилами, колья, противопехотные мины и ядовитые змеи.

Но спустившись по ту сторону Аяко-но Кодама тут же станет свободной девушкой в этой дикой стране. Свободной девушкой с десятком серебряных монет и двумя кинжалами. Прекрасное начало карьеры...

Где-то за спиной шепчутся товарки, которые утверждают в мысли что «эта бедняжка совсем с ума сошла». Есть и другое мнение, некоторые считают, что я – ведьма и онрё уже сейчас и эта улыбка всего лишь знамение, дурное знамение и что я только и дожидаясь, когда они все заснут чтобы сожрать всех, сладко хрустя косточками и запивая все кровушкой.

И они недалеко от истины. Я действительно собираюсь дождаться пока все заснут. Потому – не обращаю внимания на перешептывания за спиной, на собственную социальную смерть – спать отдельно, в камере для инвентаря, это именно социальная смерть. Но упавший в воду дождя не боится, так весело, отчаянно шел к виселице он...

Молча прохожу в «свою» комнату. Еще вчера это была камера для хранения футонов и тут еще остались полки, но в остальном – это просто пустое помещение, я бы назвала его «каменный мешок», вот только, во-первых, тут все же было окно или отдушина вверх. А во-вторых, три остальных стены составляли перегородки из рисовой бумаги, так что приватность тут была конечно очень относительная. Но мне и такой достаточно.

А вот и мой футон. Первым делом – проверить сохранность вещей. Все на месте – и «темный комплект» - штаны, куртка, пояс, повязка на лицо, для посторонних – лишь куча старого тряпья. Ножницы – самая важная часть. Сандалии-дзори, тоже ничего подозрительного. Шкатулка с безделушками, самое ценное что есть у Аяко, вообще-то это называлось «шкатулка с драгоценностями», но ... какие к черту драгоценности у бедной девочки, дочери мелкого чиновника из провинции? Пара ракушек, красивые камушки, отполированные водой и найденные на берегу, дешевая заколка с цветком лотоса на навершии и парочка писем. Вот и все драгоценности.

На секунду сердце сжимается и я – сглатываю комок в горле. Бедная девочка, ты и жизни толком не видела, как тебя сослали в услужение и тут же попала в ловушку. Но теперь у тебя есть я, Аяко, и вместе мы не пропадем... даже если придется начать историю «теней» Кога и Ига задолго до Сэнгоку Дзидай.

Я убираю шкатулку и расстилаю футон. Тут нет шкафчиков для персонала, нет рундуков как у моряков на флоте, если у тебя есть что-то ценное, ты или носишь это с собой, либо кладешь у своей кровати. У знатных дам изголовье представляет собой что-то среднее между кабинетом и комодом – такое вот сооружение с кучей выдвижных ящичков и дверок, там и хранятся драгоценности, письма и прочее. У служанок все просто заматывается в футон, когда с утра скатываешь его и убираешь в сторону.

Сажусь на расстеленный футон, поджимаю ноги под себя, складываю руки в печать Дьяхна Мудра у точки даньтян. Никакой магии в этом мире нет, по крайней мере я пока не видела, никто не летает по небу на своих мечях и не сражается, раскидывая огненные шары или молнии, однако ментальные упражнения работают и без всякой магии. Выдох. Четыре секунды. Вдох. Расслабление. Мысленно пробегаюсь по своему телу внутренним взглядом. Тянет спину, болят руки, это остаточная усталость, сегодня я старалась не напрягаться, работала спустя рукава, кое-как – чтобы дать себе отдохнуть, накопить резервы для побега.

Я снова улыбаюсь, в полутьме своей комнаты, там, где меня никто не видит. В свое время конкистадоры Писарро столкнулись с необычным феноменом – обороняя свои неприступные

горные крепости инки сражались с упорством и силой обреченных, но... только днем. Как только наступала ночь – они расходились по своим домам и ложились спать. Потому что – кто же ночью воюет?! Ночью же ничего не видно. Джаред Даймонд считал, что причиной тому – узелковое письмо инков, которое не передавало устные предания и сказки, а было скорее инструментом учета запасов, эдакий журнал прихода и расхода. В то время как европейцы выросли на всех этих преданиях викингов, на сказках о Беовульфе и Персее с Андромедой, на старике Гомере, что воспевал коварство Троянского Коня и трикстера Одиссея, Сунь Цзы говорит, что война — это путь обмана, но вы почитайте Гомера! «Меня обидел Никто!» - так взревел ослепленный циклоп... Одиссей был умен, коварен и жесток.

У инков не было таких сказок, инки не были пайньками или ангелами, они тоже были жестокими и смелыми, но... наивными.

И местные такие же. Если это эпоха Хэйан, то тут пока еще не было войны всех против всех. Тут еще пока не понимают зачем нужны усиленные ночные караулы и учения по захвату лазутчиков, не держат сторожевых псов, не ведут переключку постов каждые полчаса, тут еще никого не убили ударом копья в промежность прямо из выгребной ямы, тут такое и представить не могут. И самое главное – тут никто не понимает, что один человек в темной, немаркой одежде ночью может сделать больше, чем десяток воинов в полном боевом днем. А то и сотня. Иногда – больше, чем тысяча.

Здесь еще не знают о призраках Ига или о ночных тенях Кога. Могущественная тень хитроумного Тоётоми Хидэоси и его грозного хозяина Оды Нобунаги – еще не возвысилась над страной.

Потому местные фактически не охраняют гребень стены, караульный стоит у башни и смотрит сверху вниз со скучающим выражением лица... я не видела его ночью, но почему-то уверена, что тот скрывается в башне и скорее всего – бессовестно спит. За такое полагается трибунал и строгое наказание, но не в эту эпоху. Дворец живет по своим правилам, и стражник больше смотрит внутрь чем наружу. Стража тут нужна скорее для поддержания дисциплины внутри, нежели чем для обороны, ибо кто осмелится напасть на Императора? Боже, думаю я, как много вас всех ждет интересных открытий...

Надо принимать решение – когда именно мне уходить, сегодня ночью или завтра. Вариант «послезавтра» я отбрасываю как слишком рискованный. Ну как приставят в последний день ко мне стражу чтобы я не откинулась раньше времени и чего? Нет с парой стражников я справлюсь, дайте только время, но лишнее препятствие на пути ни к чему. И потом, если служанка просто исчезнет, и никто ее не видел – это один коленкор. Тут могут придумать кучу мистических объяснений из разряда «ее унес злой дух» или там «она раскаялась и превратилась в белое облачко», особенно если пишу для такого дать. А вот если служанка исчезла, но при этом остались два трупа с перерезанными глотками – это совсем другое дело. Тогда меня будут искать по всей стране... но особенно рьяно – рядом со столицей и в самой столице. Такая радость мне совсем не нужна.

Значит – или сегодня, или завтра. Плюсы и минусы? Сегодня меня перевели в отдельную комнату, не факт, что завтра я останусь в ней же. Сегодня надо мной не бдят стражники, не факт, что завтра будет так же. Минус – состояние тела. Оно еще не восстановилось после почти двух недель тяжелого труда и недоедания. Сегодня меня накормили как надо и теперь безудержно клонит в сон, тело готово отдохнуть. Если я пойду завтра – то у меня будет еще один день на то, чтобы ничего не делать в прачечной и хорошо покушать в столовой. Это повысит мои шансы на успех, ведь после того, как я выберусь за пределы дворца – все только начнется. У меня нет карты города и страны, я не знаю куда бежать и где укрыться. Значит мне придется собирать сведения и искать временное убежище. Может быть – прятаться где-нибудь, пережидая погоню. И там каждая несъеденная рисинка будет уменьшать мои шансы.

Однако ждать еще день – слишком рискованно. Вдруг удача, которая преследовала меня сегодня весь день – завтра отвернется? Госпожа Тишина решит оторваться и надаёт мне бамбуковой палкой по голеним... и тогда я еле ноги буду передвигать. Повариха не выдаст мне дополнительной порции, а в прачечной заставят работать как обычно. И все, я получу только минусы, а гарантий что так не будет – нет.

Я открываю глаза. Решено, ухожу сегодня. В соседней комнате уже наступает тишина, утомленные дворцовые девы засыпают на своих футонах, выждать еще немного и вперед. Встаю, снимаю с себя сперва верхнее косодэ, потом – нижнее кимоно. И белье. Переодеваюсь в темное и немаркое. Широкие штаны, в голених – туго обмотанные вокруг ног полоски ткани. Для дальних пеших переходов – чтобы кровь не скапливалась в конечностях, старая хитрость английской пехоты. Куртка, пояс. Платок – чтобы не выдать себя белеющим овалом лица в темноте, повязать его, закрывая лоб и лицо, оставляя лишь узенькую полоску для глаз. Ножницы. Серебро – в пояс. Больше ничего с собой не беру, даже письма и «драгоценности» из шкатулки. Эти вещи имеют сентиментальную ценность и когда обнаружат пропажу самой Аяко, то товарки обязательно скажут, что «она бы никогда не оставила письма своей матери», что-то в этом роде.

Тело все еще устало, оно хочет отдыха, хочет расплыться на футоне и никуда не хочет идти, а еще оно – боится. Во рту пересыхает. Закрываю глаза. Собираю пальцы в кудзи-кири, наследие древних теней. Не то чтобы я во все это верила, но «будучи в Риме – поступай как римлянин», а сейчас я нахожусь в Императорском Дворце. Потому – сложить пальцы в печать Девяти Сечений и – выдохнуть воздух – сперва грудью, потом – животом. Выдохнуть все без остатка, напрягаясь. И когда не осталось совсем ничего – прикусить кончик языка и продолжать выдыхать, ставя диафрагму на место.

Открыть глаза. Найти точки, где нажатие отзывается болью по всему телу – сперва между большим и указательными пальцами, потом – на затылке, сцепив пальцы и нащупав нужное место двумя большими, затем – во впадинке под ухом. Еще раз выдохнуть. Все. Я спокойна, я уверена в себе, я – лишь инструмент для решения задачи.

Еще раз проверяю себя. Одежда, сандалии-дзори на ногах (вопиющее нарушение этикета, мы же в помещении!), ножницы на поясе, руки свободны. Серебро в поясе, не бренчит, не вываливается. В добрый путь, Аяко.

Приподнимаю панель из бамбуковых жердочек и рисовой бумаги, приподнимаю и сдвигаю в сторону. Наш барак уже спит, только в дальнем углу одиноко горит светильник. Обойти лежащих товарок по памяти, бесшумно ступая между ними, проскользнуть к выходу и уже там – снова чуть приподнять уже входную панель и чуть сдвинуть ее в сторону, достаточно, чтобы протиснуться наружу. Так же тихо – задвинуть ее за собой, обязательно приподнимая, чтобы не издавать лишних звуков и не стучать деревянными панелями. Оглядеться.

Четыре метра стены – серьезное препятствие для обычного человека, а дочка архивариуса из семьи Камода – самая обычная девушка. У нее нет цепких пальцев и стальных предплечий, нет подготовки альпиниста или горного егеря. Именно поэтому я не собираюсь карабкаться по стене снизу вверх.

Скользю вдоль барака, туда, где днем у колодца заприметила моток веревки. В небе светит полная луна и это скверно, была бы безлунная ночь было бы легче. С другой стороны, я отчетливо вижу этот самый моток веревки. Теперь – взять его, перекинуть через плечо и – вскарабкаться на крышу здания что рядом. Подпрыгнуть, подтянуться, закинуть ногу, осторожно – пройти чуть вперед и вот я уже на крыше барака для прислуги. Совсем рядом стоят дровяные и угольные склады, все что мне нужно – перепрыгнуть с крыши на крышу. Несмотря на то, что стены в домах у местных из щепочек и рисовой бумаги, каркасы со стенами сделаны очень прочно и крыша может выдержать не только такую субтильную девушку как Аяко, но и взвод тяжеловооруженных воинов. Наверное, это из-за землетрясений.

Так что я не боюсь прыгать с крыши на крышу, ничто не сломается и не обвалится под моим весом, главное сделать это тихо... прыжок! Приземляюсь, прижимаюсь к крыше всем телом и – вслушиваюсь. Вдалеке горят огни сторожевой башни, на стене через равные промежутки – установлены светильники. Нигде не видно стража, Внутренний Двор залит синеватым светом полной луны. Тишина.

Выдыхаю. Теперь – скользить по крыше угольного склада к стене, она стоит вплотную, а с крыши склада до верха стены – всего около двух метров. Подпрыгнуть повыше и схватиться, вот и все. На стене не видно стражника, так что потом нужно снять веревку с плеча, обвязать что-нибудь крепкое, например крепление светильника или выступающий камень и – скользнуть по веревке вниз. Потом – до свидания Императорский Дворец, была без радости любовь, разлука будет без печали. Спрячусь где-нибудь подальше и буду планировать следующие шаги, в конце концов у меня есть знания о том, как будет устроен мир, значит устроиться я смогу. Например, Ост-Индскую компанию организую...

Шорох. Шум. Прижимаюсь к крыше и прислушиваюсь. Неужели заметили пропажу? Погоня? Нет, все тихо, никаких гонгов, труб, стражников с факелами. Шум идет изнутри склада! И... свет оттуда же! Я подбираюсь по крыше чуть выше, туда, где есть отверстия – маленькие окна для вентиляции и освещения. Заглядываю внутрь. Прищуриваюсь на свет.

Внутри помещения находится девушка со фонариком в руке, она – оглядывается по сторонам. Подходит к одной из корзин с углем и что-то вынимает из рукава. Кладет в корзину. Медлит, стоит пару секунд, прислушивается. Наконец – уходит. Я смотрю ей вслед.

Высокая, красивая, в сиреновом кимоно, серебряная заколка в волосах. Это Аканэ, та самая что обвиняла меня на судилище фрейлин. Всматриваюсь внутрь склада, но Аканэ с фонариком ушла и теперь там царит полнейшая темень.

Вопрос – что же делала фрейлина Принцессы ночью в час Быка на угольном складе?

- Ах ты змея... - бормочу я себе под нос. Получается, что я-таки распутала это дело. Теперь я точно знаю, как именно травили Принцессу и кто. Вот только что с этим знанием делать? Я уже почти за стеной... или все же остаться?

Глава 5

Глава 5

Некоторое время я обдумываю сложившуюся ситуацию. Я знаю, что происходит с наследницей главной ветви семьи Фудзивара, как это происходит и скорей всего могу даже указать пальцем кто виноват, ибо *cui prodest* – всегда ищи кому выгодно. Тут и уходить далеко не надо, особенно если знать как именно клан Фудзивара сохраняет власть и влияние на протяжении столетий.

Считается что абсолютная и безграничная власть в стране принадлежит только Императору. Точка. Только сам Император и является источником власти и самой властью и никак иначе. Как же люди рода Глициний (а Фудзивара означает – Поле Глициний) – смогли фактически править от имени и по поручению? Все очень просто, клан Фудзивара, наверное, единственный клан в стране Ямато, который гордится своими дочерьми и члены которого очень сильно надеются, что у них будут рождаться девочки.

Обычно именно мальчики, будущие мужчины, наследники – являются гордостью и опорой рода, ведь дочки неминуемо выйдут замуж, уйдут в другой род и усилят не свою семью, а чужую. Девочки – чужой товар, потерянный потенциал. Особо умная и сильная жена у конкурента никому не нужна, а какой бы род ты для дочери не выбрал, все одно будете конкурентами, даже в разных ветвях одной семьи и то грызутся, те же Фудзивара пример. И я не говорю «сильная жена» как эвфемизм, бывают и реально сильные девушки, та же Томоэ Годзэн, прославленная в «Хэйко Монотагари».

Как там - среди множества воинов, покрытых грязью и кровью, выделялась одна фигура. Высокая, грациозная, но в то же время смертоносная. Это была Томоэ Годзэн, женщина-самурай, чье имя внушало страх и уважение. Ее лицо, обрамленное черными, как вороново крыло, волосами, было непроницаемым, но в глубине глаз пылал огонь решимости. В руках она сжимала нагинату – смертоносное оружие с длинным древком и изогнутым лезвием, которое танцевало в её руках, словно живая змея.

Однако в большинстве случаев никто не гордился дочерьми, и никто не ждал дочерей от своих жен. Кроме рода Фудзивара. Потому что дочери рода Фудзивара становились Императрицами. Такой вот конвейер власти – как только рождался новый наследник Императорского рода – ему тут же подбирали невесту из рода Фудзивара. Как только наследник достигал более-менее половозрелого возраста – его тут же женили. Сперва правда – провозглашали Императором, а потом – женили на дочери из рода Фудзивара. Причем так торопились, что возраст вступления в брак у наследников становился все меньше и меньше... достигая уже двенадцати лет. И как только у него рождался сын, то есть наследник – ему тоже подбирали невесту из рода Фудзивара.

Конвейер власти. Фактически же страной правили Фудзивара, становясь кукловодами за спиной у Императриц. Ночная кукушка всегда дневную перекукует, не так ли? Кроме того, у самого Императора вроде, как и семьи нет, его отец обычно удалялся от дел, а за спиной у Императрицы – целый клан.

Так вот, Акико-химэ и была невестой будущего Императора, этим летом ей стукнуло четырнадцать, а самому наследнику и принцу – тринадцать. Самое время жениться... но если Акико-химэ больна, физически или духовно – то принцу найдут другую невесту. Тоже из рода Фудзивара, конечно же... но других дочерей у Лорда Мичитака нет. А значит – возвысится другая семья, скажем его родного брата Лорда Ёримичи. Или младшего брата, начальника дворцовой стражи, лорда Токихира. Это даже не один род, а одна семья – они все родные братья! А ведь есть еще и двоюродные... род Фудзивара богат и обилен.

И если Акико загнется от своей неведомой болезни, то первым выигравшими будут конечно же Лорд Ёримичи и его дочка, Сэнси-химэ, которая и станет невестой нового Императора.

Вот и вся загадка. Если не обращать внимания на отвлекающие детали, а просто задаться вопросом «кому это выгодно» - все становится ясно. Детали и доказательства нужны для соревновательного процесса и суда присяжных, а в средневековье достаточно пальцем показать и крикнуть и все – глядишь уже на эшафот тащат. Какая прелесть.

Я подавляю глубокий вздох. Как бы тихо я не вздыхала, а ночью звуки разносятся очень далеко. Что же до основного вопроса, бежать или не бежать, то тут и вопроса как такового нет. Конечно же бежать, что за глупости. Ожидать от Старшей Фрейлины правосудия или хотя бы здравомыслия – глупо. Нет, я не исключаю что госпожа Фудзино окажется неглупой и совестливой женщиной (хотя прежде я таких качеств в ней не замечала), однако ставить свою жизнь на кон, основываясь только на этой вере – увольте. Нееет, мне бы саблю и коня и на линию огня, а дворцовые интрижки – это все не про меня. Варитесь сами в вашей банке со скорпионами, а я пойду отсюда. Куда-нибудь туда, где жить спокойно можно и где палкой по ногам не лупят через каждые пять минут... есть конечно вероятность что для этого сперва армию нужно собрать и всех вокруг покорить, а то сироту всякий обидеть норовит.

Закончив быстрый анализ ситуации и приняв решение – скольжу к стене по крыше угольного склада. Подпрыгиваю, цепляюсь кончиками пальцев, подтягиваюсь (тяжело! Аяко-тян не тренировалась вовсе!), закидываю ногу... минута и я уже на стене, присев на корточки – оглядываюсь вокруг. Тишина.

Пока все идет по плану. Ночь, час Быка, до рассвета еще две смены караула, никто меня не хватился, стражник в сторожевой башне спит, я даже отсюда слышу его храп. Дворец непуганых идиотов. Пригнувшись, чтобы не быть замеченной в свете полной луны и установленных на стене светильников – скольжу к краю стены. Осторожно выглядываю наружу и вниз. Это мой первый взгляд за дворцовую стену, я знаю, что снаружи есть город, скорее всего это Киото, туда иногда ходят дворцовые девы покупать припасы или в выходные и праздничные дни. Но мне не везет и редкие огни города – дальше в сторону восточных ворот. Подо мной же – темнота и в этой темноте – блеск отраженного лунного света. Вода. Внизу – или река или канал или скорее всего – ров, наполненный водой. Сверху трудно определить высоту на глаз, однако видно, что наружная стена выше... сколько же тут метров? Без веревки никак не обойтись, хорошо, что я заранее это предусмотрела. Снимаю веревку с плеча и дурное предчувствие колет прямо в сердце тонкой иглой. Сразу не было понятно, я торопилась, а издалека, днем этот моток веревки выглядел вполне прилично, однако при ближайшем рассмотрении оказалось, что это даже не моток веревки. Это – связанное веревочное сито, уложенное кольцами!

Я просто смотрю на него несколько секунд. Моток верёвки. Который верёвкой не является. Прекрасно. Зачем такая штукавина у колодца и какую функцию оно несет – мне непонятно, но самое главное то, что это сито только дает объем, но не длину! Нет, если расплести его и связать куски вместе... но для этого нужно время, которого у меня нет!

В отчаянии я снова выглядываю наружу и смотрю вниз. Насколько глубокий ров внизу? Начинается ли он сразу у стены? Если он достаточно глубокий и глубокий сразу же – то я все еще могу спрыгнуть вниз, погрузится в воду и – выплыть по ту сторону рва! Встать на край стены и – вниз!

Смотрю вниз и удерживаю себя от опрометчивого поступка. Надеяться на то, что местные строители хорошо сделали свою работу и выкопали глубокий ров сразу у подножия стены? Тем более что это глупо, вода бы размывала фундамент. Кроме того, у некоторых замков что я знала в воде торчали колья – как раз для таких вот попрыгунчиков со стен. Задача дворцовых стен и ровов вокруг – никого не впускать и не выпускать, это тебе не приключенческое кино про Индиану Джонса, никто не станет облегчать задачу беглецам.

Стискиваю зубы от досады. Ладно. Не получилось. Значит – завтра. Кстати, надо будет посмотреть, может и днем удастся что-то придумать... спрятаться в повозке, например. Что за чушь в голову от отчаяния лезет, у меня и доступа к повозкам нет... мне нужно отдохнуть. Вернуться на место и попробовать выспаться... хотя уже половина ночи позади.

Я сматываю веревочное сито и вешаю его на плечо. Нужно положить его на место, чем меньше странных происшествий ночью – тем лучше. Луна равнодушно смотрит на меня сверху. Обратный путь кажется в два раза дольше и утомительней, но в конце концов я тихонько приподнимаю легкую панель из рисовой бумаги и отодвигаю ее в сторону, проскальзываю внутрь, скидываю с себя темное и немаркое, протираюсь тряпичной салфеткой с ароматом полыни, надеваю белье и ложусь на futon. Едва лишь моя голова касается мягкого futона – как звучит гонг Хранителя Времени. Пора вставать. Боги, дайте мне сил.

Встаю и плетусь к выходу из своей каморки, на ходу нещадно зевая. Что же... впереди еще один день. Если все будет как вчера, то может быть у меня даже получится немного подремать где-нибудь в уголке прачечной, сама видела, как некоторые умудрялись так делать – заваляться в сушилку и вздремнуть там прямо на нижней полке, под свисающими сверху отрезами ткани. Между мной и шелковой удавкой все еще больше суток... если даже считать начало третьего дня окончанием данного мне срока, а не начало четвертого. Сегодня ночью я обязательно помашу ручкой стенам дворца, даже если не найдут подходящего мотка веревки... мне достаточно будет взять с собой бамбуковый шест, вроде тех, на которых сушатся отрезки ткани. Они длинные, под четыре метра, если даже не дотянутся до основания стены внизу – то связать два таких и вуаля! Скользнуть вниз. Потом – положить шест поперек рва и можно быстро перебежать, не замочив ног. Потому как бежать в мокрой одежде – опасно. Ночи тут холодные, можно и простыть к черту. Мне только насморка и пневмонии не хватало, тут антибиотиков днем с огнем не сыскать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.